

текстах приводится анализ основных лингвистических факторов, оказывающих влияние на интерпретацию косвенных аккузативов.

Ключевые слова: аккузатив, дискурсивный акт, драма, лингвистический контекст.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Selishcheva O. N. Linguistic peculiarities of indirect accusatives presentation in modern English dramas

The article is devoted to the problems of influence of the linguistic context elements on indirect accusatives in modern English dramas. The basic ways of using the linguistic context to interpret the discourse act as the accusative are analyzed. Special attention is paid to every element of the context in the texts of 5 British and 5 American contemporary dramas. The analysis of the main linguistic factors that influence the interpretation of indirect accusatives is carried out on the basis of the examples of their functioning in the dramatic texts.

Key words: accusative, discursive act, drama, linguistic context.

*Н.А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)

Современное переводоведение, как и любая другая наука, не стоит на месте, постоянно меняясь и совершенствуясь, выявляя новые области, которые становятся предметом различных исследований и изысканий учёных. Одной из таких активно обсуждаемых в среде теоретиков и практиков перевода тем является проблема передачи идиостиля писателя в процессе перевода. Идиостиль (индивидуальный стиль) – система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения.

Термин «идиостиль» очень тесно связан с термином «идиолект». В теории художественной литературы под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности. Согласно В. П. Григорьеву, под идиостилям

понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности [4, с. 54].

Понятия идиостиля и идиолекта, которые по-разному определяются исследователями и, соответственно, «попадают в разные ряды соотношений с понятиями языка, текста и «языковой личности», находятся в последнее время в центре интереса лингвистической поэтики» [3, с. 175]. Это связано с растущим вниманием, уделяемым вопросам индивидуального языкового творчества.

В настоящее время взгляды на то, что такое «идиостиль» и какие лингвистические и экстралингвистические факторы влияют на особенности его передачи при переводе художественной литературы, различаются достаточно широко. Так, В. В. Ивановым высказывалось мнение, что «XX век характеризуется развитием «семиотических игр», ведущих в результате к появлению у одной творческой личности нескольких языков» [7, с. 115]. Подобный взгляд на идиостиль оспаривался С. И. Гиндиным, утверждавшим, что за широким «диапазоном речевых перевоплощений творческой индивидуальности всегда можно увидеть структурообразующий стержень творчества, в чем усматривается характерная черта русской литературной традиции и ее представителей, дорожащих своей индивидуальностью» [4, с. 97].

Среди многообразия точек зрения на соотношение таких понятий, как художественный текст, идиостиль и идиолект, можно выделить два основных подхода. Первый состоит в том, что идиолект и идиостиль считаются соотносящимися между собой как поверхностная и глубинная структуры [5, с. 81]. По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [4, с. 128].

Вторая тенденция развития научной мысли выражается в предпочтении функционально-доминантного подхода при целостном описании идиостиля. Такой точки зрения придерживались Ю. Н. Тынянова, а также Л. С. Выготский. Предполагается, что «поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [6, с. 63].

Определение индивидуальных особенностей стиля писателя практически невозможно без более или менее широких

сопоставлений: 1) с литературным языком его времени как нормой, на фоне которой выявляются специфические черты своеобразия, в той или иной степени, отклоняющиеся от неё; 2) с индивидуальными стилями других писателей-современников или предшественников.

Одним из требований, предъявляемых к переводу, в том числе и художественному, является требование эквивалентности текста оригинала и перевода. Для одних ученых наибольшую важность представляет эквивалентность семантическая, т.е. соотнесенность с одной и той же ситуацией [2, с. 15], для других – максимально идентичное и полное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия подлинника и информации, содержащейся в тексте оригинала [3, с. 23]. Однако большинство теоретиков и практиков перевода сходятся во мнении, что сохранение стиля – требование весьма проблематичное и неосуществимое в полной мере, поэтому следует сохранять не формальные черты подлинника, а смысловые и эстетические качества, так как опыт, объем знаний читателя оригинала отличается от опыта и объема знаний читателя перевода.

Выбрав **объектом** нашего исследования роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» и его перевод на английский язык, выполненный Робертом Даглишем (Robert Daghlish), а **предметом** исследования – просторечную и диалектную лексику как одну из характерных черт идиостиля писателя, мы сделали попытку проанализировать степень достижения лексико-семантической, стилистической и прагматической эквивалентности при передаче просторечий и диалектизмов, использование которых автором в романе позволяет читателю воспроизвести неповторимый колорит жизни донских казаков, их быта и культуры.

Необходимость исследований культурного аспекта перевода художественных произведений на английский язык по причине недостаточности внимания или игнорирования национально-культурных особенностей, которые приводят к потерям национального колорита, образности и эмоциональной окраски текста перевода и, в свою очередь, к неверному пониманию иноязычным читателем художественного произведения, обуславливает **актуальность** нашего исследования. **Целью** нашей работы является выявление трудностей передачи просторечной и диалектной лексики, с которыми сталкивается переводчик в попытке достичь эквивалентности на стилистическом и прагматическом уровне при переводе романа «Тихий Дон» на английский язык, а также анализ лакунов, образовавшихся в результате неспособности достичь такой эквивалентности.

Язык М. А. Шолохова – явление особое и неповторимое. Он раскрывает тайны замысла писателя, широту картины мира, глубину проникновения в жизнь казачества, психологию людей, кровно связанных с родной природой, с землёй, с историей. Своеобразные условия жизни на Дону, особенности характера и мировоззрения донских казаков предопределили возникновение оригинальной культуры донского казачества, которая, являясь частью русской культуры, в то же время была наиболее открытой для тесного общения с соседними народами ближневосточной исламской, по преимуществу тюркской культуры. Проявлялось также несомненное влияние близкой украинской культуры, проводником которой выступали запорожцы.

Ярким свидетельством взаимопроникновения культур является язык донских казаков, уникальный донской диалект, относящийся к курско-орловской группе южнорусского наречия. К основным чертам донского диалекта относятся: донской тип диссимильативного яканья; большая частотность употребления слов с окончанием *-о* под ударением, перешедших из женского, реже мужского, рода в средний (*стено, копно, стрело*); значительное число слов с окончанием *-ми* у существительных в форме творительного падежа мн. числа (*ночьми, грудьми*); смягчение окончания *-ит* у глаголов 3-го лица мн. числа (*бегаю[т']*, *забираю[т']*). В донских говорах сохранились южнорусские слова, утраченные другими диалектами (однако зафиксированные в письменных памятниках): *сула* «судак», *займище* «заливной луг». Существует пласт исключительно донских слов: *баз* «огороженное место для скота, двор», *курень* «квадратный казачий дом с четырёхскатной крышей, жилой дом», *волочить* «бороновать», *жалмерка* «жена казака, ушедшего на военную службу» и др. На лексико-семантическом уровне присутствуют заимствования из тюркских языков (турецкого, татарского, ногайского): *арьян, ирьян, ирян* «напиток из отцеженного кислого молока, разведённый водой», *бирюк* «волк», *чакан* «рогоз широколистный»; калмыцкого: *будан* «бульон», *шурган* «буран, метель»; и украинского: *жменя* «пригоршня», *шукать* «искать» [1, с. 9-10].

В романе «Тихий Дон» на примере жизни донского казака Григория Мелехова, исковерканной революцией и гражданской войной, писатель изобразил трагические сломы человеческой судьбы, втянутой в водоворот истории. Язык этого произведения самобытен и уникален. Детально воспроизведенный быт, красочное описание донской природы, меткая образная речь позволяют читателю полностью ощутить

казачий уклад жизни, понять традиции, которые издревле определяли жизнь казака. Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечие, которые используются не только для обозначения бытовых реалий, описания военных и свадебных обрядов, но и присутствуют в репликах персонажей и авторских описаниях.

Наличие или отсутствие диалектизмов в авторской речи зависит от содержания повествования: там, где М. Шолохов повествует о казаках, где сообщение автора прерывается диалогами или монологами персонажей-казаков, передающими особенности народного говора, – там диалектизмы используются и в авторской речи. Если же действующими лицами являются русские рабочие, солдаты, офицеры, генералы, то в речи персонажей нет и не может быть диалектизмов, поэтому их нет и в авторской речи.

Просторечие – это одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком. От территориальных диалектов просторечие отличается тем, что не локализовано в тех или иных географических рамках, а от литературного языка (включая разговорную речь, являющуюся его разновидностью) – своей некодифицированностью, а нормативностью, смешанным характером используемых языковых средств.

Когда сформировалась и стала функционировать в рамках русского литературного языка разговорная речь, границы просторечия стабилизировались. Сложилась форма соотношения и взаимодействия просторечия с литературным языком, в результате чего образовалось литературное просторечие, – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской сниженности, грубоватости, фамильярности. Наряду с просторечными словами в литературное просторечие включаются диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикрепленность [8, с. 76].

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» просторечные элементы использованы в самом широком диапазоне от грамматических и лексических неточностей и искаженности произношения слов до сленгизмов, вулгаризмов и жаргонизмов. Именно на материале данного произведения мы проследим способы перевода на английский язык вышеуказанных просторечных элементов как одного из элементов идиостиля писателя, а в случае если какой-либо из подвидов просторечия не получил адекватного перевода, постараемся объяснить причины данного явления.

При обращении к родителям главные герои произведения, Григорий, Петр и Дуняша Мелеховы, используют просторечия *маманя и батя (батяня)*. В английском переводе романа эти лексические единицы заменены нейтральными аналогами *mother* и *father*, хотя, на наш взгляд, в качестве эквивалента возможно употребление разговорных форм *mom (mummy)* и *dad (daddy)*:

А приваду, маманя, сварили? – сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы. – Mother, have you boiled the bait? – he asked hoarsely, as he followed his father into the porch. Доусть гнедой – попоите его батя. – When he's done eating, water him, father.

Кроме того, в данном примере русскоязычная реалия *сенцы*, которая обозначает «входная часть традиционного русского дома; неотапливаемое и нежилое помещение», переведена на английский язык лексической единицей *porch* «подъезд, подход, крыльцо, веранда, терраса», которая совершенно не передает значение русскоязычной лексической единицы, поскольку этот тип помещения в английском доме функционально не соответствует типу помещения «сени» в русском доме. Целесообразнее в данном случае транслитерировать реалию (*сенцы – sentsy*) и в сносках к главе либо ко всему произведению дать ее описание.

Насыщенным просторечной лексикой является следующий пример:

– За что, батяня? – За дело, су-у-укин сын! Не пакости соседу, не страми отца, не таскайся, кобелина. – What's that for, father? – For your goings-on, you son of a bitch! Don't wrong your neighbour! Don't shame your father! Don't run after women, you young buck!

Вульгаризм *сукин сын* в английском переводе имеет прямой эквивалент *son of a bitch*, что дает возможность читателю ощутить весь гнев и презрение Пантелея Прокофьевича, охватившие его в данной ситуации по отношению к своему сыну Григорию и его неподобающему поведению. Что касается лексической единицы *кобелина*, употребленной с отрицательной коннотацией в значении «похотливый мужчина, сластолюбец». В английском варианте имеем *young buck* «молодой самец животного». На наш взгляд, сленговое выражение *hound dog* «бабник, гуляка, распутник» является более точным и более колоритным эквивалентом. Кроме того, следует указать, что использование нейтральных лексических единиц *wrong* и *shame* для передачи значения просторечия *пакостить* «совершать какие-либо мерзкие, отвратительные поступки, нанося кому-либо вред» и слова с региональным изменением на уровне фонемы

страмить «навлекать позор, бесчестье на кого-л., что-л.» не способствуют достижению эквивалентности на стилистическом и прагматическом уровнях.

При передаче лексических диалектизмов переводчик в основном пользуется описательным методом или заменой нейтральным аналогом, что приводит к стилистическим, а иногда и смысловым потерям. Так, диалектизм *гутарить* в значении «говорить» в романе употребляется довольно часто в речи казаков и во всех случаях переведен нейтральным аналогом *talk*:

– Ты гляди, парень, – уже жестко и зло продолжал старик, – я с тобой не так **загутарю**. – *You watch out, young fellow, – the old man continued, now roughly and angrily, – or I'll be having another kind of talk with you.*

– И-и-и, моя милушка, – перебивала ее Ильинична, левой рукой подпирая щеку, а правой поддерживая под локоть левую, до скольких разов **гутарила** ему, сукиному сыну! – *My dear, Ilyinichna interrupted her, supporting her cheek with her left hand and holding her left elbow in her right hand, – so I've told him, I don't know how many times, the son of a bitch.*

Просторечное выражение *до скольких разов* тоже передано нейтральным эквивалентом *how many times*.

Аналогичное решение нашел переводчик для передачи выражения *пуцай покличет*, прибегнув к использованию нейтрального эквивалента *ask her to fetch*:

– Ну, накинь *зипун* и скачи к Аксинье. Ежели пойдет, **пуцай покличет** Малашику Фролову. – *Put on your coat and run to Aksinya, her father told her. – If she'll go, ask her to fetch Malashka Frolova, too.*

Кроме того, реалия *зипун* «верхняя одежда у крестьян, без воротника, изготовленная из грубого самодельного сукна» переведена лексической единицей *coat* «верхняя одежда, которая покрывает верхнюю часть туловища и руки». В принципе, в данном случае эквивалентность на лексико-семантическом уровне достигнута, хотя, на наш взгляд, созданный при помощи калькирования вариант *homespun coat* «одежда из грубого домотканого сукна» был бы более понятен англоязычному читателю.

В случае с диалектизмом *дурнопьян* «растение семейства пасленовых (белена, дурман)» переводчик использует нейтральный английский эквивалент *henbane* «белена черная»:

– Волосы у тебя **дурнопьяном** пахнут. Знаешь, *этаким* цветком белым... – шепнул, наклоняясь, Григорий. – *Your hair smells like henbane. Do you know that white flower? – Grigory whispered, bending towards her.*

Особое место в романе «Тихий Дон» занимает диалектизм *лазоревый цветок* «дикий степной тюльпан, распускающийся на короткое время в весенней степи». По казачьим поверьям и легендам, в жизни степи наступает момент, когда солнечный свет отражается на земле в виде маленьких фонариков – полевых тюльпанов, которые первыми встречают зорьку. В англоязычном переводе употреблен поэтический вариант *azure flower* «цветок лазурного (ярко-синего цвета)», причем переводчик допускает ошибку в обозначении цвета: *лазоревый* в литературном русском языке, то есть «голубой», не равнозначен диалектному варианту *лазоревый*, который обозначает «красный, желтый»:

Дуняшка смуглыми ладонями растирала полыхавшие щеки, прижимая пальцы к вискам, вызванивала молодым беспричинным смехом:

– Ты, гутарит, как **цветок лазоревый!**..

Dunya rubbed her burning cheeks with her brown palms, pressed her fingers to her temples, and her laughter tinkled out youthfully and without cause.

– *He said I was like a little **azure flower.***

Диалектизм *баглайничать* «бездельничать, вести беспорядочный образ жизни» передан в переводе сленговым фразовым глаголом *laze about* «слоняться без дела», что является оправданным с точки зрения функционально-стилистических и прагматических особенностей текста перевода:

*Дед, любивший рыбу, для видимости **запротивился:***

– *Отец говорил – **конопи молотить завтра. Нечего баглайничать. Ишь, рыбалка!***

– *The old man had a weakness for fish but he made a pretence of **opposing** Mitka's designs.*

– *Your father said the hemp must be beaten tomorrow. There's no time **to laze about.***

Просторечие же *запротивиться* «не соглашаться», «начать противиться» передано нейтральной лексической единицей *oppose*, хотя, на наш взгляд, более корректным было бы употребление в качестве английского эквивалента сленгового фразового глагола *push back*.

Таким образом, при передаче просторечия и диалектной лексики на английский язык переводчик, в основном, прибегает к приему нейтрализации, реже – к использованию лексических и морфосинтаксических элементов сниженного стиля (просторечий, сленгизмов, разговорно-фамильярных форм), а также к описательному переводу. В результате этого можно сделать вывод о том, что англоязычный перевод в полной мере не передает идейно-художественное содержание романа

М. А. Шолохова. Из перевода читатель не сможет понять, что главные персонажи – не просто крестьяне или сельские жители, а казаки, для которых воля, бескрайние степные просторы и воинская служба на благо Отечества является главной составляющей их картины мира. В результате, англоязычный вариант романа «Тихий Дон» может трактоваться просто как правда очевидца и участника этих событий о русской революции, нашедшая воплощение в художественном произведении, а стиль М. А. Шолохова, плавный при повествовании, роскошный при описании пейзажей и ритмичный при зарисовке боевых действий, как и его язык повествования, пронизанный любовью к родной земле, наполненный казачьей лексикой, вульгаризмами и варваризмами, встречающимися в диалогах и в описаниях героев, остается нераскрытым и непонятным для англоязычного читателя.

Проведенное исследование побуждает к дальнейшему изучению идиостиля М. А. Шолохова в переводческом аспекте, а неспособность при переводе романа на английский язык в полной мере достичь эквивалентности на лексико-семантическом, стилистическом и прагматическом уровнях ставит перед переводчиками сложную, но очень интересную задачу преодоления лакунарности при передаче лексических и стилистических компонентов идиостиля М. А. Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М. : Русские словари – АСТ – Астрель, 2003. – 657 с.
2. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский / Е. В. Бреус. – М. : Флинта, 2001. – 241 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М. : 1983. – 105 с.
5. Жолковский А. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – Режим доступа : http://littera.websib.ru/volsky/text_article.htm?119
6. Золян С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С. Т. Золян. – М. : ВШ, 1989. – 263 с.
7. Иванов В. В. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста / В. В. Иванов. – М. : ВШ, 1988. – 195 с.

8. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М. : ВШ, 1989. – 347 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Особенности передачи идиостиля писателя при переводе художественной литературы на английский язык (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»)

Статья посвящена проблеме передачи особенностей идиостиля М. А. Шолохова при переводе романа «Тихий Дон» на английский язык. Особое внимание уделяется способам достижения эквивалентности при переводе просторечной лексики и диалектизмов, анализу трудностей и путей их преодоления.

Ключевые слова: идиостиль, идиолект, просторечие, диалектизм, эквивалентность, сленгизм, вульгаризм.

SUMMARY

Ivanova N. A. Peculiarities of rendering the writer's individual style when translating fiction into English (based on the novel «Quiet Flows the Don» by Mikhail A. Sholokhov)

The article deals with the problem of rendering Mikhail Sholokhov's individual style while translating his novel «Quiet Flows the Don» into English. Special attention is paid to the means of achieving equivalent translation of colloquialisms and dialectal words, analysis of the main difficulties and ways to overcome them.

Key words: individual style, idiolect, colloquialism, dialectism, equivalency, slang word, vulgarism.

*М.Н. Ивахненко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 82.03

О КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК

Полисемия как семантическое явление, способствующее качественному развитию словарного запаса языка, является одним из важнейших лексических средств, позволяющих «экономить» словесный материал. «Словарь синонимов русского языка» З. Александровой в качестве синонима для термина «полисемия» дает «многозначность», которую различные источники трактуют как способность одного слова передавать различную информацию о предметах и явлениях внеязыковой действительности [1, с. 351].